

СОВЕТСКИЕ

пьесы.

Через восемь месяцев народы Советского Союза будут праздновать двадцатилетие великой Пролетарской революции. 800 театров ждут новых пьес, чтобы достойно отметить эту историческую дату. Большие и сложные требования предъявляет советский зритель к своим театрам и драматургам. Дело чести — выполнить требования зрителя. Мы помещаем первые высказывания писателей об их новых произведениях. В следующем номере будут помещены статьи гг. Ф. Вольфа, Вирта, Амаглобели, Вашенцева и др.

В. Билль-Белоцерковский

Писатель на границе

Летом 1936 г. я провел несколько месяцев на нашей западной границе, где собирал материал для новой пьесы «Граница» (название условное). Я объездил когда-то много стран, перевидел немало людей и хорошо знаю жизнь нашей страны. Но на границе во время этой поездки передо мною открылся новый мир. У нас часто пишут о напряженной работе, о подвигах наших пограничников. Я все это читал. Но одно дело — читать, другое дело — наблюдать эту жизнь собственными глазами. Уже первые дни пребывания среди пограничников убедили меня в том, что одними внешними «писательскими» наблюдениями я здесь ничего не добьюсь. Я пошел по другому пути. Я не только наблюдал, но и активно участвовал в их повседневном труде.

Сейчас, когда моя работа над пьесой закончена, я ощущаю, насколько обогатилось мое знание людей, насколько я окреп и стал моложе. Я ходил с пограничниками в дозоры, участвовал с ними в «делах», когда приходилось «закрывать границу» и искать нарушителей, сведения о которых поступали в часть. Я научился слушать и понимать окружающую природу, которая для пограничников отнюдь не является мертвым пейзажем. Я учился распознавать и понимать смысл каждого звука, каждого шороха в лесу, на полянах, на тропинках. Мой слух настолько обострился, что я научился различать «чуждые» звуки даже там, где все, повидимому, казалось совершенно тихим и неподвижным.

Я участвовал однажды в ночных поисках двух нарушителей, пытавшихся перейти границу. После не-

скольких часов обхода участка совместно с двумя командирами я удовил один чужой «ступающий» звук в окружающей лесной тишине. И этот звук, оставшийся незамеченным моими товарищами, привел нас к группе спавших людей, умело спрятавших-

ся в густом кустарнике. В другой раз я обратил внимание на чернила, которыми был написан один документ, это помогло расшифровать одного «старика», пришедшего к нам «с той стороны» и направлявшегося, будто бы, в гости к «своим», живущим в СССР. Он оказался агентом иностранной разведки.

Я усвоил образ жизни наших пограничников. Я видел, как пограничник, совершающий подвиг, равный боевому, приходит после «дела» домой, снимает сапоги, ложится спать, как ни в чем не бывало. А надо сказать, что работа пограничников является не менее сложной и трудной, чем служба в боевой обстановке. Я видел пограничников, останавливающих целые вооруженные группы нарушителей. Они не пугаются ни превосходящего числа противника, ни того, что те очень часто прекрасно вооружены.

Однажды я сидел с красноармейцем на наблюдательной вышке. Он осматривал в бинокль далекий участок. Я спросил его, зачем он смотрит в место, выходящее за пределы

«его» участка. Он объяснил мне, что проверять надо все пространство, находящееся в поле зрения.

— Но ведь это на расстоянии 900 метров. Если понадобится выстрелить, можно и промахнуться.

Красноармеец обернулся ко мне и добродушно-поучительно ответил:

— А у нас промахнуться не полагается.

Я увидел будни напряженной и очень трудной «производственной работы» тех людей, которые и в наше мирное время осуществляют большевистское правило, чтобы ни одной яды советской земли не уступить врагам-шпионам, диверсантам, агентам вражеских контрразведок.

Самым трудным для меня было найти сюжет будущей пьесы. С самого начала мне здесь пришлось отказаться от «дедуктивного» метода. Я не собирал детали к заранее надуманной драматургической интриге. Я целиком окупнулся в новый для меня быт, в неизвестные мне до сих пор обстоятельства и условия и, медленно, кропотливо работая, я постепенно аккумуляировал и собирал по крупным впечатлениям, которые затем легли в основу пьесы.

Пьеса состоит из трех актов и двенадцати картин. Конструктивно она по плану несколько схожа со «Штурмом», но в отличие от него имеет единую сюжетную линию. Пьеса пойдет в Реалистическом театре. Но в моей работе я не ориентировался ни на конкретный театр, ни тем более на конкретных актеров и актрис. Главное свое внимание я сосредоточил на предельно верном, убедительном и точном изображении характеров моих действующих лиц и их поведения.